

Научная статья
УДК 34.340.01
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-10-16>

Технологические императивы как альтернативное средство регулирувания общественных отношений

Максим Викторович Бавсун, доктор юридических наук, профессор

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
kafedramvd@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1407-2609>

Аннотация:

Введение. Технологические императивы – одно из мощнейших средств управления современными общественными отношениями. Их внедрение в нашу жизнь происходит без нашего согласия, как впрочем, и без согласия законодателя, органов государственной власти, а также любого, кто имеет отношение к управлению государством.

Методы. Методологическую основу данного исследования составили общенаучный диалектический метод и формально-логический. Это позволило определить, что любой технологический императив есть не что иное, как реально свершившийся факт, который невозможно ни опровергнуть, ни отменить, ни проигнорировать. При этом его появление зачастую зависит от людей, крайне далеких, собственно, от управления в целом и государственной власти в частности.

Результаты. Каждый из императивов, с одной стороны, облегчает наше существование, а с другой – создает массу проблем, перестраивая многие аспекты повседневности и одновременно позволяя формировать многочисленные преступные схемы, каждый раз вынуждая правоохранителя реагировать с опозданием. Опоздание – это именно тот термин, которым можно определить всю деятельность государственного аппарата по отношению к любой из технологий, внедряемой в повседневную жизнь человека. В свою очередь параллельность, альтернативность правового регулирования тех или иных процессов, происходящих в обществе, с легкостью воспроизводятся новыми технологиями, которые совершенно самостоятельно внедряются во все сферы деятельности человека. Неспособность государства управлять такими вещами с неизбежностью порождает неопределенность всего правового регулирования, где «мнимая» целесообразность уже давно поглотила законность, прервав таким образом более чем вековую дискуссию относительно соотношения данных категорий.

Ключевые слова:

технологический императив, правовое регулирование, общественные отношения, законность, целесообразность, неопределенность, биотехнологии

Для цитирования:

Бавсун М. В. Технологические императивы как альтернативное средство регулирования общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 10–16. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-10-16>.

Статья поступила в редакцию 24.06.2024;
одобрена после рецензирования 19.07.2024;
принята к публикации 05.09.2024.

© Бавсун М. В., 2025

Original article

Technological imperatives as an alternative means of regulating public relations

Maksim V. Bavsun, Dr. Sci. (Jurid.), Professor

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
kafedramvd@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1407-2609>

Abstract:

Introduction. *Technological imperatives serve as one of the most powerful means of managing modern social relations. They are embedded in our life unconsented; moreover, it happens without the consent of legislators, public authorities, and other people involved in governing the state.*

Methods. *The methodological basis of the study was made up of general scientific dialectical and formallogical methods. This enabled the authors to determine that any technological imperative is nothing but a fait accompli, which can be neither refuted, cancelled nor ignored. However, its emergence often depends on people being far from governing, particularly the state power.*

Results. *Each imperative makes our life easier, but they, on the other hand, create many problems. Imperatives transform various aspects of everyday life, at the same time they make it possible to form numerous criminal patterns making law enforcers to react late. Tardiness is exactly the term to define the activity of the governmental system in relation to any of technologies implemented in a person's daily life. In turn, the parallelism, alternativity of legal regulation of certain processes taking place in society are easily done by new technologies, independently being embedded in all areas of human activity. Failure of the state to manage this sort of things leads to an inevitable uncertainty in all legal regulation, where 'imaginary' advisability has long ago absorbed legality, breaking off the age-old debate about the relationship between these categories.*

Keywords:

technological imperative, legal regulation, public relations, legality, advisability, uncertainty, biotechnologies

For citation:

Bavsun M. V. *Technological imperatives as an alternative means of regulating public relations // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. No 1 (105). P. 10–16. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-10-16>.*

The article was submitted June 24, 2024;
approved after reviewing July 19, 2024;
accepted for publication September 5, 2024.

Введение

Право при всей нестабильности общественных отношений и их колоссальной трансформации в исторической ретроспективе имеет достаточно жесткую конструкцию, мало подверженную изменениям даже с течением времени. В этом смысле догма представляет ту основу или базис (сформировавшееся и устоявшееся правило, не требующее дополнительного обоснования и подтверждения, принимаемое всеми безоговорочно), на котором, собственно, и происходит трансформация любой глубины, позволяя сохранить сущность права в целом и отдельных его отраслей в частности. По сути, это гарантия его целостности как регулятора, способного обеспечить преемственность не только самого правоотношения, но и регулируемого общественного отношения. В этом смысле определенный правовой консерватизм – безусловное благо. Тем не менее его пределы ограничены, позволяя при сохранении базиса совершать поступательное движение вперед с учетом развития общественных отношений. Однако именно поступательность для столетия настоящего не является характерной чертой развития. Скорее наоборот, «рванный» темп, обеспечивающий скачкообразное движение, делают любые попытки поступательности несостоятельными. В свою очередь, именно новые технологии выступают в качестве тех средств, которые на современном этапе развития общества делают возможным каждый следующий рывок в любом из заданных направлений. Речь при этом идет не об оценке самого движения и того, а вперед ли оно вообще происходит. Скорее, нужно ставить вопрос о неких закономерностях такой динамики и, что самое важное, проблематики ее доминирования в современной системе правового регулирования общественных отношений.

Методы

В исследовании применялись базовые положения диалектического метода познания, общенаучные и частно-научные методы, такие, как сравнительно-правовой, конкретно-социологический, формально-логический, системный и исторический.

Результаты

Безапелляционность и безальтернативность каждого нового технологического императива, вторгающегося в жизнь всего человечества, феноменальна не сама по себе, а важна с позиции его возможности вносить серьезные, стойкие, принципиально новые изменения в правила поведения людей, способные успешно функционировать. Регулирование того или иного императива зачастую происходит позже, что называется «на ходу», подстраиваясь под уже не просто существующее, а зачастую вполне успешно функционирующее.

Новые технологии все больше оказываются, с одной стороны, двигателем всего нового, а с другой – тем средством, которое вынуждает законодателя «подстраиваться» под те самые фактические условия, делая право вторичным, а императивы идейно прогрессивными. Амбивалентность правового регулирования уже давно стала нормой, допускающей двойственную природу воздействия на общественные отношения [1]. Однако проблема уже даже не в этом. Императивы гораздо более «агрессивны». Они не оставляют альтернативы законодателю и откровенно вынуждают его действовать строго определенным образом. Более того, они сами являются той альтернативой, которая далеко не всегда подвержена регулированию, либо таковое происходит со значительным опозданием, когда элемент параллельности продолжает сохраняться.

Специалисты в области гражданского права отмечают: «Особенностью альтернативного правового регулирования является то, что обосновывающие его нормы не имеют формального выражения в таких источниках права, которые свойственны национальным и международной правовым системам» [2, с. 149–150]. То есть в буквальном смысле оно существует само по себе. В. Ф. Попандуполо отмечает, что «...суть правового регулирования заключается в общественном саморегулировании. Здесь проявляется своя логика, основанная на согласовании воли действующих индивидов, преследующих свои интересы. Термин «механизм» к саморегулированию применим весьма условно, поскольку многообразие поведения индивида не может быть уложено в прокрустово ложе какого-либо определенного механизма». И далее: «Для возникновения правоотношения (как и властеотношения) решающую роль играют жизненные обстоятельства, которым придается юридическое значение. И это не только действующие законодательные нормы, которые по определению являются юридическими фактами, с которыми индивид соотносит свое поведение» [3, с. 8]. Опять же речь идет о фактически существующих общественных отношениях, находящихся при этом вне зоны правового регулирования.

Е. С. Зайцева, рассуждая о таком явлении, как саморегулирование, полагает, что «в качестве альтернативы правового регулирования саморегулирование имеет определенные преимущества, особенно в отношениях, основанных на общем дозволении, и способствует минимизации юрдификации (избыточного правового регулирования), предоставляя большую степень свободы участникам общественных отношений и позволяя избежать их детальной регламентации» [4]. Суть высказывания сводится все к тому же – к наличию тех или иных групп общественных отношений, успешно существующих и развивающихся, но не отраженных в современном праве. Автор ведет речь о так называемой саморегуляции, представляющей альтернативу регулированию правовому, априори признавая факт исключений из общего и, казалось бы, незыблемого правила, относящегося к правовой сфере. Все это свидетельствует о самом факте возможности альтернативы при, казалось бы, тотальности правового охвата общественных отношений, невозможности «уйти» от ответственности. Наличие таковой (альтернативы) далеко не всегда указывает на саморегуляцию, которая сама по себе представляет безусловный как научный, так и практический интерес. Скорее можно ставить вопрос о возникновении неких параллелей в правовом регулировании, сам факт возникновения которых становится возможным из-за появляющихся новых технологических императивов, в конечном итоге приводящих к появлению и последующему течению саморегулирующихся процессов.

Пожалуй, одна из наиболее ярких иллюстраций этого – внедрение новых технологий и их способность выстраивать параллельное регулирование отношений в сфере медицины. Речь даже не об отдельно взятых и относительно частных вопросах, о ее отраслях или направлениях, а в целом о способности новых технологий именно в данной отрасли знаний человека получать принципиально новые результаты, внедряясь в запретные ранее зоны. Безусловно, регулирование данных вопросов далеко не всегда поспевает за самим процессом развития, а зачастую оказывается и просто невозможным. «Современная наука, – пишет О. В. Попова, – интенционально превращает человеческую телесность в артефакт, конструирует из естественного – технологическое. В технологической перспективе человеческая природа становится лабильной: ее презентуют, модифицируют, очищают, улучшают в различных вариациях, репрезентируя

биологические субстанции и части человеческого тела – то, как объект исследования, то как патент, то как высоколиквидный товар» [5, с. 190–191]. И далее, что касается именно правового регулирования данных процессов: «Всевозможные результаты биотехнологического конструирования требуют создания соответствующей социальной среды, где они могут быть легализованы, „одомашнены“» [5, с. 190–191]. Зарубежные специалисты пишут по этому поводу следующее: «Необходимы законы для установления должного места в обществе для эмбрионов, химер и других гибридных существ, генов и геномных последовательностей, а также процессов, в которых эти „вещи“ преобразуются или заново создаются и производятся. Биологические существа должны быть трансформированы в юридические, одомашненные существа... Необходима регуляция социальных отношений, которые ранее не существовали» [6, с. 68].

Именно – регуляция, и именно – должна быть. Сегодня ее как таковой нет, в то время как «биологические существа» уже есть. Технологии позволяют их создать, а регулирование за ними либо не поспевает, либо ему это просто не нужно. «Развитие подобных тенденций в медицине отодвигает интересы больного на периферию и способствует рассмотрению его в качестве средства, обеспечивающего приток денежных инвестиций. Это чревато приспособлением имеющихся норм (как медицинских, так и социальных) под законы рынка. Нормы как социальные ценности в этом случае приобретают вполне финансовый эквивалент» [5, с. 254]. Ф. Фукуяма, рассуждая об этом, указывает на большое количество людей, которые стремятся снять с себя ответственность (возникновение которой возможно лишь при должном правовом регулировании новых явлений), выводя свои действия исключительно в область медицины [7]. Это позволяет объяснить практически любые действия человека, исключив при этом регулирование как таковое, оставаясь в зоне медицины, объясняющей все...

Увы, но все это так или иначе приводит к совершенно неподконтрольному государству (нерегулируемому со стороны государства) смещению и проведению новых антропологических границ, которые дают практически неограниченные возможности конкретному человеку (врачу, руководителю лечебного заведения и т. д.) оставаться за пределами правового регулирования априори.

Данный вид конструирования, в отличие от естественных процессов конструирования социальной реальности, является «выражением деятельностной, или проектной конструкторской технологической, изменяющей мир установки, с точки зрения искусственного, в противовес созерцательной, или объясняющей, или натуралистической установке»¹, характерной для процесса естественного конструирования реальности [8, с. 162–164]. Процесс естественного конструирования социальных конвенций, отмечают специалисты, «уступает место радикальному целенаправленному технологическому вмешательству в бытие человека, направлен на такую модификацию его личности, которая оказывается в ситуации утраты антропологических констант своего бытия, острого кризиса этических оснований и самопонимания» [8; 9]. Постепенно происходит подрыв антропологической сущности человека, что было совершенно недопустимо на протяжении всей истории его существования. Соответственно, ни о каком предыдущем опыте регулирования чего-либо подобного также нельзя говорить. Для правовой сферы это такой же вызов, как и для самого человека с позиции тех технологий, которые к нему все больше применяются, не имея при этом правовой основы.

И все же эти процессы регулируемы, вопрос лишь в уровне такого регулирования и что под таким понимать. Никто не говорит о том, что у рассматриваемого явления нет ведомственного, локального и иного корпоративного нормативного регулирования отдельных вопросов в данной сфере. Проблема в другом. Что или кто является движущим фактором, что первично, ради чего совершаются те или иные манипуляции и почему одни стали доминирующими, а другие (зачастую более эффективные) неприменимы по умолчанию? Нельзя не согласиться с О. В. Поповой, отмечающей, что «реанимационное пространство современной больницы является революционным не только в отношении возможностей, заложенных в нем для спасения человеческих жизней, оно является таковым еще и по той причине, что в нем реализуется новая аксиологическая (и биополитическая) программа современности, в основе которой порождение новых форм жизни, жизни на грани со смертью, жизни, которую легко спутать со смертью. И именно в этом отношении пространство больниц оказывается аналогичным пространству концентрационного лагеря: здесь политическая воля создает возможность конструирования и отбора живых существ...» [5, с. 169].

Что это если не евгеника, причем в самом ее крайнем проявлении? Надо также понимать, что возможности политической воли строятся исключительно на технологиях. При их отсутствии никакая политическая воля не была бы возможной. Далее никакая политическая воля не может лежать

¹ Юдин Б. Г. Точка зрения искусственного // Гуманитарные ориентиры научного познания : отчет о НИР/НИОКР (итоговый) / под ред. П. Д. Тищенко. Москва : [Навигатор], 2014. [С. 15–29].

в основе регулирования, как и в целом любого другого правового явления, особенно если мы ведем речь о таких вещах, как жизнь человека, возможность ее прекращения, возникновения, продления и т. д. Это действительно уровень упомянутого автором концлагеря, где политическая воля (зачастую отдельно взятого человека) способна решить глобальный вопрос. Но дело даже не в этом. Интерес представляет технология и ее императивный характер, который может быть использован в различных вариациях, не меняя при этом саму суть проблемы. В сфере медицины мы как нигде видим все, что только возможно из запретного в праве: параллельность, альтернативность, саморегулируемость и даже политическую волю, лежащую в основе все того же регулирования, подменяя собой все вышеупомянутое.

Доминирование технологий в данной отрасли знаний привело к определению человека в качестве «артефакта технологической поддержки» [10], «неоморта» [11; 12], «существа, формы жизни, созданной медицинскими технологиями» [13], одновременно указывая на «невероятную уязвимость человека перед новыми технологиями, все больше заставляя воспринимать себя в качестве сконструированного технологическим миром данности, объекта проектирования» [5, с. 167]. Между тем в праве нет пока подходов к регулированию чего-либо подобного, не говоря уже о так называемой политической воле, явлении максимально абстрактном и, как правило, на правовом уровне ничем не подтвержденном. Мы вновь все свели к тому, что все решается на уровне отдельно взятого учреждения, а соответственно, лица, его возглавляющего, также не меньше зависящего от общего политического тренда в данном конкретном вопросе.

Надо сказать, что приведенный выше пример воздействия технологических императивов на формирование новых общественных отношений является лишь отдельно взятым из череды других, не менее ярких, показательных, но от этого не менее противоречивых, сложных и нетрадиционных для любого правового государства и любой исторической эпохи. Технологические императивы во всех случаях подобного рода опережают реальную действительность², не говоря уже о системе правового регулирования общественных отношений, которая сейчас все глубже уходит в стадию рефлексии, лишь реагируя на уже произошедшее событие³, находя для него подобающее обоснование, создавая при этом некое подобие регулирования, либо регулирование – постфактум, документируя, а не проецируя.

Если говорить об иных сферах, где вещи подобного рода становятся возможными, то здесь нельзя не вспомнить о таких нишах, как IT-технологии или, например, любое другое направление, в котором такие технологии используются (в частности, все что касается так называемого искусственного интеллекта, или банальных вещей вроде электросамокатов и пр.)⁴. Все новое, неизведанное и даже пугающее, сначала появляется, и только потом обретает необходимую форму в виде правил, поощрений либо запретов (ответственности). Все российское уголовное законодательство пронизано опозданием своих реакций на новые формы преступного поведения, а соответственно и теми проявлениями, которые должны случаться чуть раньше. Опоздание, которое порождает амбивалентность правового регулирования, объясняемого при этом корпоративностью, закрытостью, сложностью реагирования на каждую новую угрозу или новую технологию и прочими вещами, с одной стороны, верными, а с другой – подменяющими основы правового регулирования сфер деятельности, в которых наблюдается зависимость от технологических императивов.

С учетом внедрения новых технологий именно в медицину и абсолютной управляемости данного процесса, Д. В. Попов указывает на амбивалентность биополитики как источника двойственной природы любых производных от нее процессов, включая и такие традиционно запретные зоны для регулирования, как рождение и смерть [12, с. 164]. Императив, согласно Д. В. Попову, вторгся уже и в эти сферы, породив такие негативные явления, как некрополитика, негантиропная биополитика и пр. [14, с. 55, 60–61, 69–71]. Роль технологических императивов в появлении и развитии этих явлений колоссальна, с их ростом все больше становясь определяющими во всей уголовной политике на современном этапе [15].

² Бавсун М. В. Проблемы правового регулирования общественных отношений в условиях доминирования технологического императивов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 10–17. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-1-10-17>.

³ Бавсун М. В., Салыкова А. К. «Событие» как эффективное средство деконструкции общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (93). С. 10–16. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2022-1-10-16>.

⁴ Одним из ярких тому примеров является использование БПЛА в период проведения Специальной военной операции на Украине. Ничего подобного в данном направлении мир не знал всего лишь 3–4 года назад, в то время, как сегодня именно данные технологии оказались способными в императивном порядке изменить весь ход ведения современной войны (что характерно, далеко не только СВО). В свою очередь, регулирование данного вопроса происходило экстренными темпами и продолжает происходить сейчас, причем со значительным опозданием в сравнении с фактическим применением всей беспилотной авиации (как, впрочем, и не только) в зависимости от военных потребностей.

Между тем любой амбивалентности присуща двойственность, в нашем случае альтернативность, не просто нарушающая, а зачастую и полностью исключаящая начала законности в праве. И вот здесь, пожалуй, возникает основной вопрос, связанный с внедрением новых технологий во все сферы жизни и их регулированием – это вопрос соотношения законности и целесообразности в праве вообще и в отдельных случаях в частности. Дело в том, что приведенные выше примеры имеют мало отношения как к одной, так и к другой категории в их классическом видении в общей теории права (как, впрочем, и в предметных отраслях права), а также относительно их соотношения между собой [16, с. 183; 17, с. 102; 18; 19, с. 41–45]. Наверное, впервые человечество столкнулось с таким явлением, проявляющимся в виде новых технологий, результаты которых практически обнуляют любые предыдущие наработки в праве, которые до этого момента считались базовыми, но оказавшиеся бесполезными в новых условиях. Более того, при сложившихся обстоятельствах стремительности и бескомпромиссности внедрения новых технологий в жизнь человека практически нет никакой возможности для традиционного выбора в русле законности или целесообразности. В то же время эта проблема всегда была актуальна для права (как в теории, так и на практике) и всегда как-то решалась. Сама дискуссия сохранялась, а ее актуальность не подвергается сомнениям и сегодня, хотя в нынешних условиях, с учетом альтернативности внедрения всего нового, этот вопрос уже звучит по-иному. Появление с практической незамедлительным применением новых технических средств не успевает проходить какие-либо стадии обсуждения, приемки, постановки на учет, формального внедрения, апробации, ознакомления специалистов, в определенных случаях общественности, опубликования результатов применения и т. д. Вполне естественно, что вопрос правового регулирования многих технологий, который должен проистекать после реализации хотя бы части перечисленных процессов, зачастую происходит либо постфактум, либо со значительным опозданием, либо носит максимально формальный характер, не будучи способным даже частично выполнять свои функции априори, оставаясь лишь на «бумаге».

Между тем целесообразность самих технологий, наряду с их императивностью формирует ту самую законность, без которой легитимность любого средства не просто ставится под сомнение, а полностью исключается. Именно они первичны, таковы правила современной эпохи, вынуждающие законодателя рефлексировать на уже случившееся событие или появившуюся новую технологию. Опережение в данном вопросе бывает возможным, но лишь в некоторых случаях, в силу слабой прогнозируемости и, соответственно, невозможности постановки более или менее конкретных целей⁵ [20; 21, с. 62–63]. Так называемая «голая целесообразность» способна как раз создать параллельность в правовом регулировании, уводя его в сторону ведомственности, локальности или чрезвычайщины.

3 **З**аключение

Целесообразность того или иного технического средства, наряду с целесообразностью его правового регулирования и выступает в качестве императива законности, которая, оказываясь вторичной и находясь под двойным давлением целесообразности, пытается найти свое проявление на любом из возможных уровней. Увы, но все та же «голая целесообразность» выступает в качестве идеи, формирующей границы правового регулирования. Но еще хуже то, что происходит это фрагментарно, в зависимости от частных случаев каждого нового императива. Однако, реагируя каждый раз в соответствии с новой потребностью, мы неизбежно теряем в системности, последовательности и комплексности в процессе формирования правового массива, который уже давно складывается на основе рефлексии, обусловленной абсолютно разнонаправленными факторами. В свою очередь, технологические императивы в последнее десятилетие все чаще оказываются в качестве доминирующих, практически не давая шансов законодателю в реализации созидательной функции и оставляя ему роль статиста, фиксирующего технологическую реальность. В конечном итоге мы приходим к глобальной неопределенности в правовом регулировании общественных отношений, объясняемой ложной целесообразностью, уже давно вышедшей из под контроля законности.

⁵ Между тем «...право вообще становится менее эффективным, если чаще реализуются санкции в его нормах, чем цели» (Цит. по: Орлов В. Н., Экимов А. И. Цель в норме советского права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1968. № 5. С. 22–28). Наличие цели указывает на осмысленность совершаемых любым субъектом правоотношений действий. «...Действование без цели есть бесцельное, бессмысленное действование» (Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Работы К. Маркса за 1842–1844 гг. ; Ф. Энгельса за 1839–1844 гг. // Сочинения : в 30 т. 2-е изд. Москва : Госполитиздат, 1954. Т. 1. С. 258). И именно в средстве реализации цель получает свою определенность (Трубников Н. Н. Отношение цели, средства и результата деятельности человека // Вопросы философии. 1964. № 6. С. 59–68).

Список источников

1. Бавсун М. В., Попов Д. В. Метамоде́рн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья III. Амбивалентность права в контексте биополитической стратегии государства // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 1. С. 66–74. <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2021-11012>.
2. Чеговадзе Л. А., Стригунова Д. П. Юридическая природа альтернативного правового регулирования международных коммерческих договоров // Вестник Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя. 2018. № 1. С. 149–152.
3. Папандуполо В. Ф. Дуализм регулирования общественных отношений (правовое и нормативное регулирование) // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 3. С. 7–16. <https://doi.org/10.22394/2686-7834-2021-3-7-16>.
4. Зайцева Е. С. Саморегулирование как альтернатива правовому регулированию // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4 (75). С. 60–64. <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2019-14010>.
5. Попова О. В. Тело как территория технологий: от социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования : [монография]. Москва : Канон+, 2021. 352 с.
6. Novotny H., Testa G. Naked genes: reinventing the human in the molecular age. Cambridge, MA : MIT Press, 2010. 144 p.
7. Фукуяма Э. Наше постчеловеческое будущее : Последствия биотехнологической революции / пер. с англ. М. Б. Левина. Москва : АСТ, 2004. 349 с.
8. Попова О. В. Биотехнологическое конструирование искусственного – естественного: социальный контекст // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 161–171. <https://doi.org/10.17805/zpu.2015.2.17>.
9. Тищенко П. Д. Биотехнологические предпосылки сексуальной революции XXI века // Человек. 2009. № 6. С. 21–30.
10. *Controversies in the Determination of Death : A White Paper of the President's Council on Bioethics*. Washington, DC : [The President's Council on Bioethics], 2008. 168 p.
11. Курцмен Дж., Гордон Ф. Да сгинет смерть! : Победа над старением и продление человеческой жизни. / пер. с англ. М. Н. Ковалевой. Москва : Мир, 1982. 215 с.
12. Агамбен Дж. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель / пер. с итал.: И. Левина, О. Дубицкая, П. Соколов. Москва : Европа, 2012. 189 с.
13. Lizza J. P. Potentiality, irreversibility, and death // The Journal of Medicine and Philosophy. 2005. Vol. 30, № 1. P. 45–64. <https://doi.org/10.1080/03605310590907057>.
14. Попов Д. В. Биовласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики : монография. Омск : Омская академия МВД России, 2021. 144 с.
15. Бавсун М. В., Попов Д. В. Биополитический бэкграунд уголовной политики // Философия права. 2019. № 4 (91). С. 75–84.
16. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. 3-е изд., доп. Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1950. 308 с.
17. Стучка П. Революционная роль права и государства : общее учение о праве. 3-е, пересмотр. и доп. изд. Москва : Издательство Коммунистической академии, 1924. 140 с.
18. Строгович М. С. Теоретические вопросы советской законности // Советское государство и право. 1958. № 4. С. 15–26.
19. Элькин П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1976. 142 с.
20. Орлов В. Н., Экимов А. И. Цель в норме советского права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1968. № 5. С. 22–28.
21. Трубников Н. Н. Отношение цели, средства и результата деятельности человека // Вопросы философии. 1964. № 6. С. 59–68.